

Чжан Синьсинь

МОРФОЛОГИЧЕСКИЕ КАТЕГОРИИ ЧИСЛА И ПАДЕЖА СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ В АСПЕКТЕ ОТРАЖЕНИЯ ЭСТЕТИЧЕСКИХ КАТЕГОРИЙ

В статье рассматривается вопрос об эстетических ресурсах морфологических единиц русского языка на материале стихотворных текстов XX века. В ходе исследования выявлены и систематизированы случаи функционирования существительных, в которых грамматические формы числа и падежа принимают непосредственное участие в отражении эстетических категорий возвышенного и комического. В результате анализа установлены способы создания возвышенного и комического благодаря использованию грамматических форм числа и падежа субстантивов.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2018/2-1/50.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2018. № 2(80). Ч. 1. С. 182-185. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2018/2-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

УДК 808.2:801.55=161(075.8)

В статье рассматривается вопрос об эстетических ресурсах морфологических единиц русского языка на материале стихотворных текстов XX века. В ходе исследования выявлены и систематизированы случаи функционирования существительных, в которых грамматические формы числа и падежа принимают непосредственное участие в отражении эстетических категорий возвышенного и комического. В результате анализа установлены способы создания возвышенного и комического благодаря использованию грамматических форм числа и падежа субстантивов.

Ключевые слова и фразы: стихотворный текст; отражение эстетических категорий; категории возвышенного и комического; морфологические категории числа и падежа русских субстантивов; функционирование грамматических форм существительных в поэтических произведениях.

Чжан Синьсинь

*Казанский (Приволжский) федеральный университет
18274043@qq.com*

МОРФОЛОГИЧЕСКИЕ КАТЕГОРИИ ЧИСЛА И ПАДЕЖА СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ В АСПЕКТЕ ОТРАЖЕНИЯ ЭСТЕТИЧЕСКИХ КАТЕГОРИЙ

Данная статья выполнена при финансовой поддержке Министерства образования КНР, проект «Эстетические ресурсы морфологических категорий существительных (на материале русской поэзии XX века)», № проекта: 16YJC740093.

Вопрос об эстетических возможностях языковых единиц неоднократно привлекал внимание ученых. Однако в научной литературе отсутствует общепринятое понимание этой проблемы. Одни ученые (например, А. И. Ефимов, В. П. Москвин, В. К. Харченко и др.) связывают эстетику языка с переживанием прекрасного; другие языковеды (Г. О. Винокур, Я. И. Гин) при освещении этого вопроса обращают внимание на мотивированность использования языковых единиц; часть исследователей (Л. И. Донецких, Л. А. Новиков, Д. Н. Шмелев) полагают, что эстетические функции языковых элементов определяются их образными возможностями. Кроме того, не все аспекты проблемы эстетических ресурсов языковых единиц получили системное освещение в лингвистической литературе. Сказанное в полной мере относится и к изучению эстетического потенциала морфологических категорий числа и падежа существительных.

Следует отметить, что исследованию данных грамматических объектов посвящено значительное количество работ: число и падеж существительных анализируются в связи с разработкой классификационных моделей морфологических категорий, их семантики и выразительности (см. труды А. В. Бондарко, Г. О. Винокура, И. Б. Голуб, А. И. Ефимова, А. А. Зализняка, И. А. Ионовой, В. П. Ковалева, Г. И. Пановой, А. А. Потемни, О. Г. Ревзиной, А. А. Реформатского и др.). Однако описание эстетических ресурсов числа и падежа имен существительных относится к ряду недостаточно изученных вопросов лингвистической стилистики.

Прежде чем перейти к рассмотрению данной проблемы, определим теоретические позиции, связанные с пониманием эстетических свойств языковых единиц. При анализе этого вопроса мы придерживаемся точки зрения Г. А. Хайрудиновой, которая считает, что «при рассмотрении эстетики языковых единиц целесообразно придерживаться широкого подхода, предусматривающего ориентацию на категорию эстетического» [9, с. 280]. Вопрос об эстетике языковых единиц следует рассматривать в контексте исследований по лингвистической прагматике, прежде всего, в связи с фактором адресата. Эстетические возможности языковых средств в наиболее полной степени реализуются в сфере словесного искусства. Эстетическими ресурсами обладают те языковые единицы, которые способны оказывать эстетическое воздействие на человека как адресата речи. Сущность эстетического воздействия языковых единиц, являющихся элементами текста литературного произведения, состоит в том, что в процессе чтения читатель получает духовное наслаждение, т.е. испытывает чувственно-рациональное переживание, главными составляющими которого являются эстетическое удовольствие, игра душевных сил, ощущение радости, полноты бытия. Подобное состояние обусловлено и свойствами самих языковых единиц, и характером их употребления, а именно – новизной, образностью, пластичностью, соотносительностью со всем литературным произведением как целостным эстетическим объектом, способностью наиболее полно и точно воплощать идейно-художественный замысел писателя [Там же].

Как показал анализ стихотворных произведений, эстетические возможности морфологических категорий имен существительных могут быть исследованы по ряду аспектов: с точки зрения отражения определенной эстетической категории, формирования образности текста, его композиционной организации, своеобразия литературного направления, к которому тяготеет художественное произведение, идиостиля писателя.

Основным объектом внимания в данной статье являются грамматические формы числа и падежа существительных, способные принимать участие в отражении эстетических категорий. Обозначенный аспект описания грамматических единиц составляет актуальную междисциплинарную проблему, результаты изучения которой важны для развития исследований в области грамматики, стилистики художественной речи, литературоведения.

Цель нашего исследования – выявление и систематизация тех случаев функционирования существительных, в которых грамматические формы числа и падежа принимают непосредственное участие в отражении эстетических категорий. В качестве основных были использованы следующие методы лингвистического исследования: описательно-аналитический, семантико-стилистический, дистрибутивный. Материалом для исследования послужили разножанровые произведения русских поэтов XX века, имеющиеся в Национальном корпусе русского языка [5].

Поскольку морфологические средства русского языка играют наиболее заметную роль лишь при отражении двух эстетических категорий, а именно возвышенного и комического [10, с. 50], обратимся к рассмотрению грамматических форм числа и падежа существительных, реализующих соответствующие потенции при их употреблении в тексте стихотворного произведения.

1. Вначале проанализируем ту часть нашего языкового материала, которая связана с отражением возвышенного. Проблема категории возвышенного рассматривалась в ряде работ по эстетике и литературоведению. Так, по мнению Ю. Б. Борева, возвышенное отражает бесконечность и вечность мира, а также огромные возможности, внутренние силы человека [2, с. 61]. Отмечается также, что возвышенное, с одной стороны, подавляет человека как физическое существо, заставляет осознать свою конечность и ограниченность, а с другой – пробуждает в нем сознание нравственного превосходства даже над физически несоизмеримой и подавляющей его природой [1, с. 113]. Возвышенное представляет собой феномены, явления, события, возвышающие человека над его обыденной жизнью, указывающие ему на какие-то иные, более высокие горизонты, чем те, с которыми он обычно встречается [3, с. 158].

1.1. Рассмотрим вначале роль грамматических форм числа в отражении категории возвышенного. Анализ поэтических текстов показал, что с этой целью наиболее часто используются: а) формы единственного числа с обобщенно-собирательным (родовым) значением; б) архаические формы множественного числа [11, с. 336]. Так, В. Брюсов, выражая дань уважения финнам, достойно выживающим в суровых условиях севера, в одном из своих стихотворений использует формы единственного числа существительных *моряк, земледел, дровосек*, реализующих в тексте обобщенно-собирательное значение: *В нужде и в труде терпеливый, – / Моряк, земледел, дровосек, – / На камнях взлелеял ты нивы, / Вражду одолев своих рек; / С природой борясь, крепкозрудый, / Все трудности встретить готов, – / Воздиг на гранитах причуды / Суровых своих городов* («К финскому народу») [5]. Аналогичную эстетическую функцию выполняют и архаические формы языковых единиц, на что, в частности, указывают некоторые исследователи (И. А. Ионова, Л. В. Зубова). Например, в следующем фрагменте стихотворного текста при выражении соответствующей авторской эмоциональности употреблена архаическая форма именительного падежа множественного числа *дерева* (вместо основной, стилистически нейтральной, формы *деревья*): *Вокруг весна, рассветная Москва, / Восторженные прозелиты. / Зарю поддерживали **дерева**, / Как темные кариатиды* (Д. Самойлов, «Памяти юноши») [Там же]. Кроме того, архаическая форма *дерева* здесь используется в версификационных целях.

1.2. Перейдем к анализу падежных форм существительных, принимающих участие в отражении возвышенного. Согласно нашим наблюдениям, при отражении возвышенных явлений наиболее часто используются архаические падежные формы, представляющие собой остатки грамматической системы русского языка, характерной для более раннего этапа развития. Так, Ю. Верховский при описании светлой рождественской мечты употребляет устаревшую форму Т. п. мн. ч. *крылами*, которая вместе с другими языковыми элементами (*узрела, хвалами, ликуют, вышних, сиянье, осиянной*) способствует созданию возвышенного в религиозной сфере: *Рождественскою ночью, / Прощения моля, / Узрела бы воочью / Притихшая земля – / Мечту, что ясным взорам / Светла твоим, дитя: Всплывая легким хором, / Свиваясь и летя, / Вот – ангелы **крылами** / Сияют в вышоте, / Бесплотными хвалами / Ликуют о Христе / И славу в вышних Богу – / О, слышишь ты! – поют...* («Рождественскою ночью») [Там же]. При отражении возвышенного функционируют и варианты падежных форм, свойственные книжной речи [7, с. 489]. Рассмотрим в качестве примера стихотворение М. Тарловского «Четвертый Рим». Автор, вступая в полемику с высказыванием инок Филофея («*Два Рима падоша, а третий стоит, а четвертому не быти!*»), которое взято в качестве эпиграфа, создает своеобразную оду Москве, встающей из пепла, «как феникс». Вместе с другими языковыми элементами напряженно-эмоциональное звучание стихотворению придает и вариантная предложно-падежная форма *над*: *над Россиею: И над Россиею простертой / Из трижды выжженной травы / Взошел победою четвертый / На красном знамени Москвы* [5]...

2. Перейдем к рассмотрению еще одной категории – комического, которой посвящено довольно много исследований эстетиков и литературоведов. Как справедливо полагает М. А. Рюмина, можно назвать два основных подхода к пониманию комического: сущность данной категории определяется либо как противоречие (несоответствие), либо как игра [8, с. 65–66]. Например, по мнению Ю. Б. Борева, природа комического проявляется в противоречии. Комизм представляет собой результат контраста, разлада и противостояния [2, с. 82]. Сходной позиции придерживается Е. Г. Яковлев, который считает, что «в категории комического онтологическое раскрывается как противоречие между ничтожным, ложным содержанием и формой, кажущейся полной значения» [12, с. 71]. Однако существует и другая трактовка вопроса: по мнению С. С. Гусева и Г. Л. Тульчинского, «именно “игра с пониманием” (остранение, столкновение смыслов и значений) вызывает и стимулирует смех» [4, с. 172]. Думается, что оба указанных подхода к интерпретации комического отражают его сущность: они не исключают друг друга, а направлены на исследование разных аспектов одного и того же феномена.

2.1. Если иметь в виду функционирование грамматических форм числа, то возникновение комического эффекта в некоторых случаях обусловлено явлением омофонии (в трактовке В. В. Виноградова). С целью

порождения комической реакции реципиента может обыгрываться внешнее подобие существительных, являющихся разными словами. Так, для создания языковой шутки В. Катаев обыгрывает неполное звуковое сходство формы единственного числа *покой* 'отсутствие беспокойства' и устаревшего существительного *покои* 'внутренние помещения, комнаты' [6, с. 822], употребляющегося обычно в форме множественного числа: *Рок меня занес / В гостеприимные покои, / И я в бездейственном покое / Здесь отдыхаю среди роз* («Батюшков») [5]. Кроме того, здесь следует указать и на обыгрывание семантики выделенных языковых единиц. Реже наблюдается игра за счет лексико-семантических вариантов одного и того же слова. Так, обыгрывание семантики и внешнего облика плуральных форм существительного *муж* (*мужья* 'супруги' и *мужьи* 'деятели на каком-нибудь общественном поприще' [6, с. 555]) обнаруживается в стихотворении Л. Мартынова «Оттепель»: *Свет гаснет. Душно, как в яме. / «Что ты встаешь? Лежи!» / ...Ночью простыми мужьями / Делаются мужьи* [5]. Интерес вызывает также функционирование грамматических единиц, представляющих собой отклонение от языковой нормы. Так, Я. Смеляков в стихотворении «Чувство юмора» использует устаревшую, шутивную форму именительного падежа множественного числа *человеки* вместо нормативной формы *люди*, выражая свое авторское отношение к некоторым представителям советской бюрократии: *Есть и такие человеки / среди жителей любой страны, / что чувства юмора навеки / со дня рожденья лишены* [Там же].

2.2. За счет использования падежных форм существительных комический эффект создается гораздо реже. Изучение стихотворных текстов показывает, что с этой целью может обыгрываться семантика падежной или предложно-падежной формы существительных. Например, игра значениями предложно-падежных форм субстантивов обнаруживается в тексте стихотворения И. Сельвинского «Советская сказочка»: *Посадили деду за репку, / Бабу за деду, / Внучку за бабу, / Жучку за внучку, / Кошку за Жучку – / Таскали, тянули, / Семнадцать лет протянули* [Там же]. Это стихотворение содержит аллюзивную отсылку к известной русской народной сказке. Обыгрывание грамматических значений в совокупности с игровой функцией других элементов языка воспринимается именно в рамках осознания интертекстуальной связи литературного текста с произведением фольклора: однако если в сказке аналитические падежные формы (предлог *за* + В. п.) выражают объектное значение, то в стихотворении они реализуют обстоятельственное значение причины, что и определяет комический эффект. Рассмотрим еще один пример, в котором комическая реакция реципиента создается благодаря полиптому, т.е. употреблению одного и того же существительного в разных падежных формах. Именно такой прием применяет А. Иванов в пародии на поэта Н. Глазкова, употребляя фамилию стихотворца в формах И., Р., Д. и Т. падежей: *Что вижу я во тьме веков? / Кто мне под стать? Не вижу... Словом, / Стоит Глазков, сидит Глазков / И восторгается Глазковым. / Что ныне глаз Глазкова зрит? / Кто смеет не учесть такого: / Глазков Глазкову говорит / О гениальности Глазкова! / Все – чушь, не будь моих стихов! / И в будущем, поверьте слову, / Опять Глазков! Один Глазков!! / Дороги все ведут к Глазкову!!! / Короче, вывод мой таков, / И больше нету никакого: / Есть бог в поэзии – Глазков / И я, Глазков, пророк Глазкова...* (А. Иванов «Глазковиада». Пародии на Н. Глазкова) [Там же].

Проведенный нами анализ позволяет утверждать, что грамматические формы числа и падежа русских субстантивов (наряду с другими средствами языка) играют немалую роль в отражении эстетических категорий возвышенного и комического. При этом следует отметить, что хотя для русской грамматики характерно синкретичное выражение семантики морфологических категорий, тем не менее эстетический потенциал грамматического числа шире эстетических возможностей категории падежа. Этот факт обусловлен тем обстоятельством, что падежные формы существительных в меньшей степени, чем формы числа, принимают участие в формировании комического эффекта. Перспективу нашего исследования составит исследование эстетических потенциалов грамматических форм субстантивов, используемых в стихотворном произведении с целью создания образности и композиционного развертывания текста.

Список источников

1. Авдеев В. И. Категории эстетики // Авдеев В. И., Курочкина Л. Я., Куценко В. А., Пархоменко И. Т., Радугин А. А., Титов С. Н. Эстетика: учеб. пособие для вузов. М.: Центр, 1998. С. 109-122.
2. Боров Ю. Б. Эстетика. Изд-е 4-е, доп. М.: Политиздат, 1988. 496 с.
3. Бычков В. В. Эстетика: учебник. М.: КНОРУС, 2012. 528 с.
4. Гусев С. С., Тульчинский Г. Л. Проблема понимания в философии: философско-гносеологический анализ. М.: Политиздат, 1985. 192 с.
5. Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ruscorpora.ru/> (дата обращения: 10.11.2017).
6. Ожегов С. И. Толковый словарь русского языка: ок. 100000 слов, терминов и фразеологических выражений / под ред. проф. Л. И. Скворцова. Изд-е 27-е, испр. М.: АСТ; Мир и Образование, 2014. 1360 с.
7. Русская грамматика: в 2-х т. / гл. ред. Н. Ю. Шведова. М.: Наука, 1980. Т. 1. Фонетика. Фонология. Ударение. Интонация. Словообразование. Морфология. 784 с.
8. Рюмина М. А. Тайны смеха, или Эстетика комического. М.: Знак, 1999. 251 с.
9. Хайрутдинова Г. А. Морфологические средства создания художественного образа в контексте проблемы эстетики языковых единиц // Ученые записки Казанского университета. Серия «Гуманитарные науки». 2013. Т. 155. Кн. 5. С. 279-286.
10. Хайрутдинова Г. А. Эстетические ресурсы русского языка. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2016. 170 с.
11. Чжан Синьсинь. Грамматические формы числа существительных как средства отражения эстетических категорий (на материале стихотворных произведений) // Научное наследие В. А. Богородицкого и современный вектор исследований Казанской лингвистической школы: тр. и матер. междунар. конф. (Казань, 31 окт. – 3 нояб. 2016 г.): в 2-х т. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2016. Т. 1. С. 335-338.
12. Яковлев Е. Г. Эстетика: учебное пособие. М.: Гардарики, 1999. 464 с.

MORPHOLOGICAL CATEGORIES OF NUMBER AND CASE OF NOUNS IN THE ASPECT OF AESTHETIC CATEGORIES REPRESENTATION

Zhang Xinxin

Kazan (Volga Region) Federal University
18274043@qq.com

The article deals with the question of the aesthetic resources of the morphological units of the Russian language on the basis of the poetic texts of the XX century. In the course of the research, cases of the functioning of nouns in which the grammatical forms of number and case are involved directly in the representation of the aesthetic categories of the sublime and the comic are revealed and systematized. As a result of the analysis, the author determines the means of creating the sublime and the comic through the use of grammatical forms of the number and case of substantives.

Key words and phrases: poetic text; representation of aesthetic categories; categories of the sublime and the comic; morphological categories of number and case of the Russian substantives; functioning of grammatical forms of nouns in poetic works.

УДК 81'25+81'42

Цель настоящей статьи – предложить переводческую типологию юридического дискурса, имеющую, прежде всего, прикладное значение. Для реализации этой задачи в статье также в обобщенной форме представлены существующие типологии юридического дискурса и юридических подязыков. Наряду с юридическим дискурсом и его категориями отдельно выделен параюридический дискурс. Статья демонстрирует междисциплинарный – юрислингвистический и собственно переводческий – подход.

Ключевые слова и фразы: юридический перевод; юридический дискурс; юридический текст; переводческая типология; классификация юридического дискурса; типология юридического дискурса; виды юридического дискурса; классификация юридических текстов; типология юридических текстов; виды юридических текстов; юрислингвистика.

Шлепнев Дмитрий Николаевич

Нижегородский государственный лингвистический университет имени Н. А. Добролюбова
shlepnev@gmail.com

ЮРИДИЧЕСКИЙ ДИСКУРС С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ ПЕРЕВОДЧИКА: РАБОЧАЯ ПЕРЕВОДЧЕСКАЯ ТИПОЛОГИЯ

I. Постановка проблемы

Известны различные варианты типологии юридического дискурса (далее – ЮД), юридических текстов (далее – ЮТ) или юридического языка, произведенные с юридических и юрислингвистических позиций. При этом было бы также удобно иметь типологию ЮД, предназначенную именно для переводчиков-практиков и преподавателей перевода, т.е. а) *описывающую работу юридического переводчика; б) способную быть ориентиром для переводчика; в) способную быть ориентиром в отборе текстов для преподавателя юридического перевода* (далее – ЮП). Цель настоящей работы – предложить подобную типологию. Обозначим ее как *рабочую*, т.е. носящую в первую очередь прикладной характер и потенциально открытую для доработки и развития. Однако ее построение возможно лишь при учете уже имеющихся классификаций, которые будут обобщенно представлены ниже.

Не будем останавливаться на определениях ЮП и ЮД/ЮТ: внимание этому было уделено в отдельной статье [13], к которой отсылаем также за соответствующей аргументацией. Напомним ключевые положения: а) *ЮП есть перевод юридических текстов; б) минимальный набор признаков, ограничивающих ЮД/ЮТ от неюридических текстов, – институциональное отношение к созданию, реализации и разъяснению права; в) ЮД подразумевает коммуникацию как между специалистами, так и специалиста с неспециалистом – при условии, что таковая институционально оформлена.*

Хотя «дискурс» и «текст» не одно и то же, в практическом и классификационном отношении далее ничего не изменится при замене одного термина другим, что также видно из сравнения указанных ниже источников.

II. Базисные типологии ЮД: общий обзор

Несмотря на то, что в имеющихся классификациях выявляются и некоторые вариации, они обнаруживают несомненную и неизбежную общность.

1. Основополагающая типология носит собственно юридический и юрислингвистический характер. В самом общем виде нередко выделяют от трех до пяти главных, прототипических категорий ЮД: *законодательный (или нормативный), судебный, доктринальный* (такова первая почти неизменная триада, к которой могут добавляться названные далее категории), *дискурс (частных) юридических актов, административный дискурс*. Существующие типологии так или иначе развивают именно этот прототипический набор, разветвляя, изымая